

Сморчок стоял на носу, поставив одну ногу на бочку, выпрямив спину и выпятив грудь, наблюдая, как баркас разрезает воду, и чувствовал гордость. Вот он, герой своего поколения, стоит высокий и сильный на первом баркасе их флота, как семья вождя, направляющаяся на задание века.

Он усмехнулся про себя: все остальные кланы были трусами. Никто из них не присоединился к ним, даже ни один баркас между остальным архипелагом викингов не побрезговал участниками свадьбы с других островов варварской территории. Они же, гордое племя хулиганов, были на пути к тому, чтобы стать легендой. Теперь никто ничего не мог поделать, кроме как подготовить их триумфальную эдду.

Он оглянулся в сторону кормы. Астрид стояла там, держась рукой за одну из привязей мачты и глубоко вдыхая морской воздух. Глупо ценный топор, который так долго не использовался, был пристегнут к ее спине, а голова покрыта тканью, чтобы на нее не попала соль. Это было единственное, что омрачало прекрасное настроение Сморчка; по всем правилам, она уже должна была принадлежать ему. Он никогда не прекращал ее преследовать, потому что зачем ему это делать? Она была помолвлена с другим трусом, который сбежал, чтобы не сражаться с Кошмаром и не быть вождем, и который не был там, чтобы защитить женщину, которая должна была принадлежать ему. Голос в голове Сморчка подсказывал ему, что Астрид не нуждается в защите, но он не обращал на него внимания. Мужчина должен был защищать свою собственность - и это было его право и привилегия. Поскольку Иккинг не выполнял свою работу должным образом, никто не был виноват, кроме него самого, если кто-то другой узурпировал ее - или заигрывал с ней. Другой голос сказал ему, что, скорее всего, Иккинг нуждается в защите, и он прислушался к нему, усмехнулся про себя и полностью согласился. Потому что, в конце концов, это была правда, а Иккинга Бесплезного не зря так называли. Ведь он был "Многообещающим" совсем недолго, и чем дольше длилось его "путешествие", тем лучше.

Однако Сморчок понял ее игру, он был уверен в этом. Занять место Бесплезного. Добиться расположения вождя. Закрепиться в его семье, а потом выждать время, пока предателя-беглеца не объявят мертвым, и претендовать на главенство. Это будет иметь удобный побочный эффект: она одним махом станет доступной для брака, и в этот момент он будет рядом.

Потому что, да ладно, кого она собиралась выбрать? Тафнут? Рыбьенога, женатого парня?

Большая волна с шумом плеснула в правый борт, вернув его в настоящее. Он снова оглянулся и заметил, что Астрид повернулась, чтобы поговорить со Стоиком и Гоббером; на самом деле, похоже, они вели горячую, хотя и тихую, дискуссию. Коренастый юноша вздрогнул - и от любопытства, и от досады; он был обещанным Берком представителем нового поколения (кроме Астрид, но она была женщиной) и поэтому имел право на участие в любом важном разговоре. Тот факт, что Стоик был там и что и он, и Астрид покраснели, сказал ему достаточно.

Поскольку его отец управлял сестринским баркасом двух кораблей, возглавлявших флот, Сморчок не испытывал никаких затруднений в том, чтобы как можно беспечнее пройти в пределах слышимости, делая вид, что занимается какими-то делами. Если он и не врывался в

разговор, мысленно сказал он себе, что имеет на это право, то только потому, что они, похоже, были уже горячо увлечены им, и прерывание могло бы окончательно испортить им настроение.

"...что-то, чего мы не знаем, Стоик. Я чувствую это; ты видел, как они смотрели друг на друга и говорили шепотом".

"И я сказал тебе, что это потому, что все они были уверены, что мы сумасшедшие, раз решились на это путешествие. Хель, я тоже уверен, что мы сумасшедшие, но сейчас у нас нет альтернатив. Эта идея была твоей, Астрид, почему ты колеблешься сейчас?"

"Дело не в этом, Стоик. Что-то... что-то из того, как они говорили и смотрели друг на друга. Это не сулило нам ничего хорошего". Ее грозное выражение лица сменилось яростным красным цветом и стало более грозным, скрытым в энергии. Гоббер положил руку ей на плечо.

"Все в порядке, девушка. Мы знаем, что это не будет прогулкой по пляжу. Мы готовы ко всему, что выкинет на нас Остров. А если нет... эх!" Он пожал своим массивным плечом.

"Мы викинги, это профессиональная опасность".

Астрид не выглядела убежденной, но прежде чем она успела сказать что-то еще, Свен крикнул с кормы.

"Ворота, обнаружены!"

На этот призыв эхом отозвались остальные 45 баркасов флота. Они присоединились к остальным после свадьбы на "Замерзании до смерти", направляясь сюда так быстро, как только позволяли ветра, что заняло достаточно много времени. И вот, наконец, они были на месте.

"Поднимайте ужасы!" крикнул Стоик, его каркас стал жестким. Остальные члены команды баркаса почувствовали перемену в нем, и напряжение, как пролитое молоко яка, растеклось по всем плечам на борту, а затем и по всей линии кораблей.

Жалкие существа были подняты, рыча сквозь намордники. Их ноги были связаны, но крылья - нет, и как только веревочный жгут вокруг их туловища был прикреплен к мачте, они начали бешено хлопать крыльями; все в сторону ворот Хельхейма.

Далее последовало напряженное, ужасное путешествие сквозь туман. Выстроившись в прямую линию, лодки стали пробираться по коварным, узким каналам. Ни одна лодка викингов никогда не заходила так далеко, и даже позже Сморгчок не запомнил почти ничего из этой высокоадреналиновой и молчаливой части путешествия, кроме отдельных фрагментов. Астрид, разматывающая ткань вокруг своего топора; Стоик, управляющий кораблем и дающий указания, которым следовала вся флотилия в тихом благоговении, которое, казалось, охватило всех; терры, все более и более бешено хлопающие, когда они поворачивались то в одну, то в

другую сторону на своих привязях, всегда в унисон.

Внезапно все они с трудом удержались на ногах, когда лодка причалила к черному скалистому берегу. Крон, который становился все громче и громче, от которого у всех сводило зубы и голоса становились чуть выше шепота, теперь стал просто оглушительным. Багровый хвост исчез в скале, и Смorchок почти почувствовал, как он пробежал по его животу и спине; это случилось. Они были...

"Мы здесь", - шипел Стоик, спрыгивая с лодки. Пение мгновенно прекратилось. Терры моргнули, огляделись и начали издавать визжащие звуки, подлетая к мачте и пытаясь взобраться на нее, насколько позволяла их упряжь, вонзая острые когти в дерево. Когда Смorchок с волнением бросился к краю лодки, чтобы присоединиться к приготовлениям, он заметил, что Астрид смотрит на драконов сузившимися глазами.

"Ты идешь?" - сказал он, одарив ее своей лучшей улыбкой и выпятив грудь, чтобы показать ей свою лучшую перспективу. Ее глаза сузились еще больше, не покидая ужасов, которые теперь карабкались вверх по мачте, сопротивляясь своим веревкам. Вероятно, они знали, что теперь от них нет никакой пользы; им незачем было оставаться в живых.

И как раз в этот момент Астрид взмахнула своим топором; но вместо голов ужасов он прорубил канаты и вмял мачту. Три крошечных дракончика изо всех сил хлопали крыльями, веревка все еще болталась, как пуповина, и они понеслись обратно в туман.

"Вы промахнулись", - сказал он великодушным тоном. "Не волнуйся, детка, это случается с лучшими из нас - даже со мной, хочешь верь, хочешь нет. Ты должна была взять с собой другой топор, этот старый".

Астрид поджала губы и не обратила на него внимания, глядя вслед уходящим драконам. На последней фразе она перевела на него сузившиеся глаза.

"Заткнись и займись этим", - сказала она. Одним плавным движением она оказалась на разбросанных обломках и побежала к строителям валов. Смorchок хмыкнул.

"Я тебя еще догоню, и тогда посмотрим, насколько ты любишь сопли", - проворчал он себе под нос, спрыгивая, чтобы присоединиться к отцу.

<http://tl.rulate.ru/book/92895/3050662>